

РУС. ДИАЛ. ЛЕНГУС 'ЛЕНТЯЙ'

Выход в свет „Словаря балтизмов в славянских языках“ Ю. А. Лаучюте¹, где суммированы результаты исследований целого ряда поколений лингвистов и учтены работы последнего времени (в том числе — и автора словаря), наглядно показал, сколь существенное влияние балтийская лексика оказала на диалектную лексику польского, белорусского, русского и украинского языков. Продолжающаяся публикация значительного количества нового диалектного материала, в частности, „Словаря русских народных говоров“ (СРНГ) — с одной стороны, „Lietuvių kalbos žodynas“ — с другой, открывает широкие перспективы для дальнейших углубленных исследований как в области исконно родственной лексики балтийских и славянских языков, так и в области лексики, заимствованной из одних языков в другие. Естественно, что при этом уже сейчас выявляются славянские балтизмы, не вошедшие в словарь Ю. А. Лаучюте.

Настоящие заметки представляют собой продолжение серии небольших статей, посвященных выявлению новых, до сих пор не отмеченных в научной литературе балтийских заимствований, главным образом, в говорах русского языка. Первой в этой серии была статья с рус. диал. *кувiкль*².

Рус. диал. *ленгус* 'лентяй' отмечено в смоленских говорах русского языка (СРНГ 16, с. 351). Кроме того, в других говорах засвидетельствованы следу-

¹ Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. См. рецензии в журналах: *Język Polski* 63, 1983, str. 349—352 (J. Safarewicz); *Baltistica*. 1984. Т. 20(2). Р. 184—191 (V. Urbutis); *Zeitschrift für Slawistik*. 1984. Bd. 19. H. 2. S. 302—305 (R. Eckert) и др. См. также: *Urbutis V. Slavų kalbų pseudobaltizmai / Baltistica*, 1984. Т. 20(1). Р. 30—39. Здесь с разной степенью убедительности оспаривается принадлежность ряда славянских слов к числу балтизмов, принятая Ч. Кудзиновским, Т. Зданцевичем, Ю. Лаучюте и другими исследователями.

² См.: *Baltistica*. 1987. Т. 23(1). Балтийское происхождение целого ряда русских диалектизмов не нуждается в особых обоснованиях. Напр.: *гринiя* (неделя) — лит. *grynojū* (*savaitė*), *деючить* 'охать' — *dejuoti*, *додобный* 'говорливый' — *dodōnė*, *евной* 'съедобный' — *javinis*, *коя* 'голень' — *kója*, *молунок* 'кофемолка' — *malūnas* и др. Иное дело — такие слова, как рус. диал. *кувiкль*, *ленгус*, блр. *лiнiкля*, где нужны доказательства.

ющие слова с тем же значением: *ленгúz* (Твер., Псков., Курск.), *ленгúзик* (Твер., Псков.), *ленгáс* (Арх., Волог.), *лэньгáс* (Онеж., Арх.), *ленгáл* (Волог.), *ленгарь* (Новг., Олон.), а также *лэньгóсья* 'лентяйка' (Арх., Онеж.) и *ленгúзить* 'лентяйничать' (Твер., Псков.). Форма с гласным *и* (*лúнгас*) записана в вологодских, *лынгúз* — в псковских и тверских говорах (СРНГ 17, с. 49, 221).

Попыток этимологизировать русское диалектное слово было немного. Напрашивающаяся связь со словом *лень* (А. И. Соболевский³) остается неясной в словообразовательном отношении — что было отмечено М. Фасмером (II, 483). Этимология В. Пизани — к нем. *Faul-Geist* (с переводом первой и заимствованием второй части слова) — с полным на то основанием была отвергнута О. Н. Трубачевым в дополнениях к словарю М. Фасмера (s. v.). В 1965 г. О. Н. Трубачев в очень осторожной форме предложил сопоставить слово *лэньгáс* с срб.-хорв. диал. *linguza* 'лентяйка'. Приведем соответствующее место полностью: „Нам не хотелось бы умножать число гадательных и беспочвенных этимологий, но, имея в виду невыясненность слова, полезно обратить внимание на возможную его близость к срб.-хорв. диал. (икавск.) *linguza* 'лентяйка' ж. р. (Босния). Сербохорватское слово из прасл. **lenygozъ*, сложение **lěny* + **gozъ* 'гузно, задница', можно было бы считать тождественным рус. диал. *лэньгáс* при условии, если последнее — из *леньгуз* с теми же древними компонентами (ср. диал. курск. *ленгúз* 'лодырь'; псковск., тверск. *лынгúз* 'лентяй'). Преобразования в северновеликорусском слове могли наступить в условиях заударного слога или в результате сознательного отталкивания от слова *гуз*?“⁴

Как видим, автор и сам всячески подчеркивает неуверенность в корректности своего сопоставления („полезно обратить внимание на возможную его близость...“, „можно было бы считать“, „при условии, если“ и т. п.). Однако спустя всего два года в дополнениях к словарю М. Фасмера О. Н. Трубачев уже рассматривает свою этимологию как „беспорную“, не приведя при этом никаких дополнительных аргументов в ее пользу. В словаре П. Скока сербохорватские (уже не икавские формы) *ljènguz* и *ljènguza* 'лентяй' и 'лентяйка' этимологизируются аналогичным образом (без ссылки на О. Н. Трубачева)⁵.

Однако здесь все далеко не так просто.

³ А. И. Соболевский реконструирует форму **лѣньгá* типа *мальгá*, *шульгá*. — Соболевский А. И. Из области словообразования // РФВ. Т. 66. № 3–4. С. 333. Примеч. 2.

⁴ Трубачев О. Н. Славянские этимологии 41–47 // Этимология 1964. М., 1965. С. 11.

⁵ S k o k P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1972. Kn. 2. S. 296.

Во-первых, остается в силе замечание М. Фасмера о неясности словообразовательной модели. Славянские сложные слова со вторым компонентом *-гуз* и *гуз(к)а*, как правило, присоединяются к первому компоненту с помощью *-о-* (болг. *гол-о-гъз*, *крив-о-гъз*, срб.-хорв. *црн-о-гуз*, *бел-ѡ-гуза*, рус. *тряс-о-гúзка*, *бел-о-гúзка*, *кургúзый* < **кърн-о-гузь* и т. п.). Сложных слов с первым компонентом *лен(ь)*- как будто бы вообще нет в славянских языках. Их нет в словарях древнерусского языка, в „Словаре русских народных говоров“, в словарях других славянских языков.

Во-вторых, едва ли сербохорватские слова следует отделять от болг. диал. *лънгъзá* ‘бездельник’. Последнее никак не может быть фонетически соответствующим приведенным выше сербохорватским словам. К тому же Ст. Младенов отмечает в своем этимологическом словаре болгарского языка, что слово *лънгъзá* было заимствовано из турецкого языка, правда — без ссылки на слово-источник. Известный тюрколог С. Н. Иванов, к которому автор обратился за консультацией, сказал, что таким словом могло бы быть не исконно турецкое образование, а какой-нибудь диалектизм, скорее всего — романского происхождения. Однако среди романизмов, проникших в турецкий язык, как обычно, через греческое посредство, слово, которое могло бы послужить источником заимствования болг. *лънгъзá*, отсутствует⁶. Это заставило меня высказать предположение об итальянском источнике срб.-хорв. *linguza*. Подобно тому как итал. *ventosa* (из лат. *ventōsa* ‘вздутая, пузатая’, от *ventus* ‘ветер’) — через греч. *βεντοῦζα* — было заимствовано в болг. *вентуза* ‘банка (мед.)’, — лат. *lingua* ‘язык’ дает производное *linguōsa* (*mulier*) ‘болтливая (женщина), болтушка’, а затем — через итал. *linguosa* — проникает в диалекты сербохорватского языка (*linguza* и *ljènguza*). Семантическое развитие ‘болтун’, ‘болтушка’ → ‘лентяй(ка)’ не нуждается в особых обоснованиях, ср. хотя бы рус. диал. *болтун* или *балаболка* — с обоими этими значениями (СРНГ 3, с. 82; 2, с. 66). С этим своим предположением и с вопросом об источнике болгарского слова автор обратился к проф. Ив. Дуриданову. Вот что он пишет относительно происхождения рассматриваемых южнославянских слов: „В турецких диалектах есть слово *langaz* ‘ленивый, лентяй’ (Türkiye ‘de Halk Ağzından derleme sözlüğü. Ankara, 1977. Т. 9. Р. 3069), но оно не исконно турецкое — это заимствование из испанского: *lenguaz*, *lenguaza* (последнюю форму я нашел в этимологическом словаре Короминаса) ‘болтливый’ (основа *lingua* < лат. *lingua*). Срб.-хорв. диал. *лингуза*, по всей вероятности, — из итальянского *linguoso*, *-uosa* (контракция *-uo-* > *-u-*) или из исчезнувшего далматинского. Ваши догадки правильны“ (письмо от 6/I-1985).

⁶ См.: Tzitzilis Chr. Griechische Lehnwörter im Türkischen. Wien, 1978.

Поскольку ареал русских диалектных слов, приведенных в начале статьи, полностью исключает возможность рассматривать их как романские заимствования, а пестрота и изобилие различных вариантов слова⁷ явно заставляют предполагать всё же какое-то заимствование, обратимся к этой стороне вопроса.

Ареал, в котором засвидетельствованы рус. диал. *ленгѹс* и его варианты, типичен для русских балтизмов. Новгородская, Псковская, Смоленская и Тверская области представляют собой компактный массив, расположенный непосредственно к востоку от территории, занимаемой балтийскими языками. Важно отметить, что, как и балтизм *кувѹклы*, рус. диал. *ленгѹз* встречается в Курской области. Что касается архангельских, вологодских, олонекских и онежских говоров, то они в значительной мере принадлежат переселенцам из областей, смежных с балтийской территорией. Ни одно из перечисленных слов не засвидетельствовано более ни в одном русском говоре.

Этим источником могло послужить лит. *leñgvas = lengvùs* 'легкий'. Характерно, что и в литовском языке, и в русских заимствованиях встречаются варианты на *-ас* и на *-ус* (ср. *лѹнгас*, *лѹньгас* и *leñgvas*, *ленгѹс* и *lengvùs*). Странные для русского языка формы женского рода *лѹньгѹсья* и *лѹнгосья*⁸ могут отражать соответствующие формы полных литовских прилагательных женского рода: *lengvòsios* (род. п. ед. ч.) и *leñgvosios* (им. п. мн. ч.). Обращает на себя внимание, как и в случае *лѹнгас* — *ленгѹс*, совпадение двух различных мест ударения в литовском и русском слове.

По модели *liepos* (мн. ч.) — *liepa* (ед. ч.) в процессе заимствования в условиях двуязычия форма *leñgvosios* могла быть воспринята как множественное число от **leñgvosia*, что и дало в русских говорах *лѹнгосья*.

Выпадение *ц* в позиции между согласным и гласным — достаточно хорошо известное явление: рус. **обводѹ* → *ободѹ* и др. В процессе заимствования из литовского утрата *ц* в этой же позиции имела место в случае лит. *apvaliùs* → блр. *áпалы* 'круглый'. Причем утрата *ц* здесь, видимо, произошла уже в литовском языке (ср. *ápalas* → с тем же местом ударения, что и блр. *áпалы*)⁹. Возможно, что заимствованием из лит. *negvaldiùs* является блр. *нѹгалда* 'неудачник' (Э. Гринавяцкене и др.)¹⁰ — что наиболее близко к случаю *lengvùs* → *ленгѹс*. Вообще утрата *ц* в позиции перед *и* представляет собой весьма

⁷ Ни одно из приведенных выше исконных славянских слов типа болг. *кривогѹз*, срб.-хорв. *белдгуза*, рус. *белогѹзка* и др. не имеет подобного рода вариантов.

⁸ Обратный словарь русского языка не содержит ни одного подобного слова, оканчивающегося на *-сья*.

⁹ Лаучюте Ю. А. Указ. соч. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 146.

распространенное явление, своего рода фонетическую универсалию, ср. лат. *sequor, sequitur, sequētur*, но *secūtus*, а не **sequūtus*, итал. *linguosa*, но срб.-хорв. диал. *linguza*.

В семантическом плане исходными в развитии значения 'ленивый' у прилагательного 'легкий'¹¹ были, по всей вероятности, сочетания типа *lengvaī dirbti, leñgvas dárbas* и т. п. С этим же направлением семантического развития связаны глаголы *lengvinėti* 'легко жить, не делать тяжелой работы' и *lengvótis* 'избегать трудной работы'. Академический словарь литовского языка (LKŽ VII, 334) в качестве одного из значений прилагательного *leñgvas* приводит значение 'медленный, неторопливый', сопровождая его примером: „Ана lengvutė prie darbo, t. y. nenor sunkiai dirbti“. Из этого и других примеров видно, что речь идет не просто о неторопливой работе, а о стремлении избежать напряженного труда ('не хочет тяжело работать').

Обращает на себя внимание также слово *lengvūnas* в значении 'кто медленно работает'. Модель существительных на *-ūnas*, образованных от прилагательных с *и*-основой, хорошо известна в литовском языке: *drąsūs* 'смелый' → *drąsūnas* 'смельчак', *lėtūs* 'медленный' → *lėtūnas* 'медлительный человек'¹². Следовательно, производящей основой лит. *lengvūnas* 'медленно работающий человек' послужило прилагательное *lengvūs* 'медленно работающий', которое и явилось источником заимствования рус. диал. *ленгус*. Кстати, единственный пример употребления этого слова в словаре („в работе ты такой ленгус... ни черта не стоишь“ — СРНГ 16, с. 351) говорит не о лежебоке, не о тунеядце, не о бездельнике, а именно о плохо работающем человеке. Ср. также 'вялый, плохой работник' — для слова *ленгас* (там же).

Типологически связь между значениями 'легкий' и 'медленно работающий, ленивый' может быть подтверждена и на примере со славянскими (русскими) словами, генетически родственными лит. *leñgvas*, в частности рус. *легкий* и производными той же основы. В диалектах русского языка засвидетельствованы слова *лёгбнький* 'ленивый', *лёгбша* 'лентяй' (ср. *лёгбше* 'легко'), *лёгбтный* 'легкий, не требующий усилий, труда'. Ср. также глаголы: *лёгостать* 'бездельничать', *лёгбтничать* 'лентяйничать, лодырничать', *лёгбшать* 'облегчать себе работу' (СРНГ 16, с. 314–317).

Что касается большого количества форм заимствованного из литовского языка слова в говорах русского языка (помимо рассмотренных слов также

¹¹ Интересно отметить, что значение лит. *tingūs* 'ленивый' развивается на основе антонима 'тяжелый' (ср. ст.-слав. *ТАЖЬКЪ*).

¹² Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. P. 279.

ленгарь, ленгáл, ленгúз(ик) и даже лынгу́з¹³), то передача балтийского *s* и как *c*, и как *z* — обычна для славянских языков. Напр., пруссы в Ипатьевской летописи упоминаются как *проуси* и как *проузи*, лит. *remėsas*, лтш. *remesis* передается в древнерусском языке как *ремезь*, но ср. *ремезьство* и *ремесьство*¹⁴, ср. также в исконных словах: *порос* и *пороз*, *через* (с этимологическим *c*) и др. Наличие нескольких изолированных форм с мягким *нь* (*ле'нь-га'с*) может объясняться как влиянием народной этимологии (связь с исконным словом *лень*), так и особенностями фонетической субституции в процессе заимствования. Параллелью здесь может служить близкое по звучанию прозвище сына Олгирда — *Лингвеня* (видимо, латинского происхождения), основа которого в русских летописях передается то как *Лынг-*, то как *Лыньг-*. Остальные варианты слова — результат позднейшей славянизации, а сам факт наличия большого числа фонетических и словообразовательных вариантов хорошо увязывается с заимствованным характером рассмотренной группы слов.

MAŽMOŽIS XI

S. Ambrazo straipsnyje „K rekonstrukcijai slovoformų sistemos atglauginimo lietuvių kalbos“ (Baltistica. XXIII (2). P. 170–183) į akis krinta keli dalykai: a) nepamatuotai pakeisti kai kurių žodžių kirčiai: *grūdas* 172 = *grūdas*, *gruōdas* 172 = *grūodas*, *nāras* „kilpa, sunėrimas“ yra 4 kirč. žodis (LKŽ XIII 539), todėl negali būti *nārai* 173 — yra tik *naraĩ*, *stōgas* 173 = *stōgas*, *pluō(k)štas* 174 = *plūo(k)štas*, *svirtis* 181 = *svirtis* (*nesūdera* 177 yra transponavimo klaida iš tarmių *nesūdera*; apie tai rašyta LKK XVII 106); b) neaiškiai apibūdinamos kai kurių žodžių reikšmės ir vartojimas: *pamiñklas* ‘память’ — ныне „памятник“ p. 171, nors šnektose ir „Dabartinės lietuvių kalbos žodyne“ (1972) yra ir ‘kultūros liekana’, ‘palikimas’ ir kt.; *skỹrius* ‘разница’ — ныне ‘глава, раздел’ p. 172, o šnektose labai dažnai sakoma ir net tame pat bendrinės kalbos žodyne yra fiksuojama ‘skirtumas’ ir pan.

V. Vitkauskas

¹³ Формы *лінгас* и *лынгу́з* могут отражать диалектные балтийские образования, у которых *en* перешло в *in* (см.: Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966. P. 96–102 и др.). А передача лит. *i* то как *и*, то как *ы* — обычное явление при заимствованиях из литовского языка в русский (ср., напр., рус. диал. *дырван* и *дырван* — из лит. *dirvonas*).

¹⁴ См.: Откупщиков Ю. В. Из истории балто-славянских лексических отношений // Baltistica. 1971. Т. 7(2). С. 123–125.